

БАЛКОН НА СЦЕНЕ для репортера с фанфарой в руке

Премьера для артиста — это его звездный час, определяющий жизнь. 135 таких премьер состоялось за год в Большом театре. 135 раз молодые солисты выходили на прославленную сцену в ведущих ролях балетного репертуара.

ЗАТРУ у меня премьера. Я впервые выйду на сцену в «Лебедином озере». Повторю шаг, который до меня с 1871 года, когда в Москве увидела свет рампы первый балет Чайковского, совершила тысячи артистов. Четырнадцать лет прошло и со времени последней, восьмой по счету, Балетчик спектакля в Большом. Но для меня все равно премьера. И не только для меня. Обычно в таких случаях в театральной фирме вслепа за фамилией артиста пишут: «первое исполнение». Если бы это было в Большом, такие слова прежде всего появились бы в каком-нибудь журнале, а не в газете. Я же артистка балетного репертуара Большого театра. И мне не надо писать в газете, что я впервые выйду на сцену. Это уже давно стало традицией. И в театре, и в жизни.

Но мы не дома. Большой театр на гастролях за границей сегодня танцует в Гамбурге, а вообще уже который день, меня города и площадки, колесит по ФРГ, и появление почти always артиста перед публикой для нее первое знакомство. Для меня же, более двадцати лет связанного с балетным театром, это попросту первый выход на сцену вообще. И в труппе я на этот раз человек не со стороны — режиссер, интерпретатор, режиссер, а включен в состав гастрольного коллектива.нас 150 человек — балет, оркестр, балетмейстер, режиссеры, артисты, рабочие сцены, садовники, театр в миниатюре. У каждого своя обязанность. Мои — контакты с прессой и освещение гастрольной в советской печати.

В такой поездке — премьера почти ежедневно, и ежедневно повторяется то, что дома бывает только перед выкупом новых спектаклей: долгие репетиции, контрольные. Впервые труппа идет заведующий постановочной частью Артаур Яковлевич Чарукинчик со своей бригадой, потом их догоняют, прощаясь оговаривая постановочные репетиции, главный балетмейстер театра Юрий Николаевич Григорович и художники всех гастрольных спектаклей Симон Баргатович Вирсаладзе. Они начинают гастроля в очередном городе, а затем снова срываются с места. Половина триумфов они не видят, они бумажно работают, чтобы были триумфы следующие.

Мы приходим в театр будь то Чикаго или Людовикасвилля. Штутгарт или Дортмунд, а от входа акквативные таблички указывают, где находиться классы прикладных искусств, кабинета администрации. Вдоль стен коридоров стоят кожаные сумочки с костюмами, балетными туфлями и реквизитом. Костюмеры разрешают на плечиках колот Ромео, цени Спартак, воздушный зенит Джульетты, белоснежную лангу. В туалетах коридорах лежат миски римских гладиаторов и спартаковских дружин. Все привычно глазу, как дома. И все-таки дома никогда не бывает такого рьяного работя — танцевать каждый день без замены, без положительного отклика на каком-нибудь месте, как того требуют обстоятельства. А они могут быть любыми. Вот, превозмогая боль в ногах, уже пятый спектакль танцует Татьяна Бессмертнова. Без замены? А вот с хором ступившая Меркурия Миша Шарков — в день спектакля забрала основную исполняющую Станислава сцену, безупречно, с одной ногой в воздухе.

Предела нет гастрольная круговороты захлестывает, все кажется воз-

можным. Так неожиданно и я попадаю в очередной состав спектакля. Нацелась с шуткой, когда и сказала главному балетмейстеру, что никто еще, кажется, не вел своей репертаж прямо со сцены во время действия и почему бы не попросить меня? А продолжение неожиданно серьезно — предложение было принято. Тут я вдруг поняла, что отсутствую вдовольно, и предельный колокол зашемя сердце. Означивать-то ты города, а вот по-пробуй — выйдя сам под бесощадные прожекторы!

НАКАНУНЕ своей премьеры в хожу по кабинетам, выбираю роль. Конечно, она должна быть такой, чтобы затеряться, раствориться в массе, чтобы никто тебя не видел и чтобы ты ничего не делал. Увы, нет такой роли в спектакле!

В премьеры для Гамбурга «Лебединое озеро» блистает Наталья Бессмертнова. Она prima-балерина этих гастролей, танцовщица с мировым именем. Но не надо думать, что она — это одно из имен одного знаменитого театра, где бы не танцевала она и в ФРГ выступала неоднократно. «Лебединое озеро» танцует с 1965 года, участвовала в премьеры этой редакции четырнадцать лет назад, 113 раз была на сцене Одеттей — Одетта в мировой Кровлеком Лаврентьевской, в Большом театре, в Нью-Йорке, Париже, Лондоне, Белграде, Праге. А смотрю на нее за кулисами — в первый раз они выходят на сцену, всегда, как в первый раз. Может ли быть иначе в артиста? Она совершенно, отрешена от суеты кулисы, так же одинока в этот миг, как ее заколдованная парша лебедя. А партнер — Юрий Васюченко, наоборот, словно ищет участия. Он врывается со сцены в кулисы я, глубоко дыша, ходит от одной группы артистов к другой, ему нужна поддержка, ободрение. Он не знает, что делать и то несколько лет назад ступившая на сцену Зинфрида, артист был встречен довольно спокойно, и, по сути дела, сегодня в него наступила премьера.

О, загадочная жизнь кулисы! То вдруг подавляешь в ярине бывшего с другой стороны прожектора, то в провалах густого мрака. Слышится непрокормленные команды режиссера спектакля предыдущих сцен, а выходя, подползает режиссеры, присматривая к самому краю дрижером — почти на сцене. Здесь же костюмеры с аглавами и нянками во всякой случай, врач с флакончиком налитра, прямо на ящиках с реквизитом массажисты разогревают артистов. И все это скоблен, не зная, в этот момент, в мезобразных скучальничных группах на любого посетителя смывают на сцену. Для всех — премьера, каждому нужна поддержка, и оттого все сейчас вместе, помогают друг другу.

В зале абсолютная тишина, я и слышу со сцены тишину почти Одетты. Белем ланга на выходящих тутаять уплыть, чтобы увидеть, зачем выйдут, потом возах, как нырившая в море желтого погружения. Лебедя, сбившийся в маленькие стайки, тут же начинают выяснять отношения — кто пошел не с той ноги, кто повторился кто нарушила интонация. Такой же порядок — нужно, чтобы все выйдя две артистки танцевала как одна.

Замолкает последняя нота в оркестре, и после секундного опешенения зал вывезает на сцену водопад аландиментов. Уже закрылся занавес, уплыл переодетый к следующему действию артисты, монтируются новые декорации, в публике все напряжено и выжидает, как в первый раз. Клон Наталью Бессмертнову и Юрия Васюченко.

Наконец все стихает, и в этой тишине на раздумьи, подмывает выходят Александр Ветров. Он в театре всего четыре года, но успев исполнить несколько заметных сольных партий. В ФРГ танцует одну из главных ролей в «Ромео и Джульетте» — жестокого и коварного Тибальда. Танцует превосходно. Особенно тихий, застенчивый, еще уловитель, несмотря на свою безукоризненную балетную выправку, не сцене он преобретается — откуда только берется эти смелые, сочные краски? Сейчас он в шертных почти неградугой вяжи, тренировочной кофе. В «Лебедином» не знает, но разговаривается, делает короткой экскурс. А когда через несколько минут, чтобы размяться перед вторым актом, во сцене появляется Борис Акимов — Злой Гений этой спектакля. Сила влезла за ним, «полагаясь», повторяет все движения роля. Это, как говорится, «заделяе на завтос».

А ВОТ и так, что подкалывает меня. Я понимаю это, когда начинается второй акт — был в принципе, выбор невест — и же города геральды на балнях по обеим сторонам сцены возмещают о том, что было в начале. Вот оп, балетом на сцене для репертура. Столь вместо пера — фанфара в руке. Столь себе величественно, монументально, наблюдаю, но при этом трижды призывно поднимит трубку!

Да, но шадими ее тогда, учат меня штатный «трубочка этого спектакля, и приложи к губам тех, чтобы вышло, будто вырвется. Но секунду замешиваясь — слычу выйдя зав. Перемешивая позу — тоже заметит. Любое неосторожное движение — и все внимание на тебя. Потому не бери на себя слишком много — не ты центр действия, а то, что происходит после твоего трубного гласа на сцене. И трубку положи потом на край балетной ордыни плавно, чтобы ни одного звука не было, и привязывая и ней геральдический флажок расправь так, чтобы он не зацепился за перила, был выдан, отоскоду. И не моргай, не кашляй, храни неизменное выражение на лице. Ури Каяла уже тут роль статиста — настоящие жидкие чешечки коуха в предельных обстоятельствах!

И наконец — дель премьеры. Не знаю, что тузюватая истинная премьеры Нина Ананьевна, которой впервые в жизни доводилось танцевать такой спектакль, да еще за заграничных гастролей, но что чувствую я, помимо так, будто это повторяется сейчас.

Костюмер Александра Михайловна Кашлинова дала мне чистую белую клетчатую рубашку без ворот, на нем сейчас мои выходящие руки, надувать кризисный колет с огромными, будто надутыми воздушку, плечиками, на голову воздурал выпавший торбан с ниспадающими на спину через плечо и гураш подобным шнуром, и тогда я увидел в аркаде, где я поблел, на зенит, что чашечка моего костюма, поном и касточкой гримр Ветров Илья Тихонов быстро убол с него неестественно, беднато, режиссеры дала мне в руке фанфару, и порешировал, как куда ее держать вместе со своим. Будучи изван-трубочкой, и по металлической конструкии полел на вертукую Чашу.

Раздалась звуку музыки, пошла занавес, и я увидел за тем черное пространство пустоты, отсечение рамой от сцены. А на фоне этой пустоты — фигуру дирижера Альбиса Жюартиста, его рука в аркаде света, движение которых и дала трижды поднять своей белозавной трубкой. Сцена же, наоборот, была залита ослепительным сиянием, а нем все пере-

мывалось, играло роскошеством костюмов, блеском украшений, грациозностью позы и движений.

Я СМОТРЕЛ на все это будто впервые. Да почему будто? Просто впервые. И не потому лишь, что сам стал частью этой музыки, а оттого, что увидел, словно через увеличительное стекло, музандрующую, живую жизнь спектакля. Спектакля, во и людей в нем.

Некоторых из них знаю достаточно много лет, многих почти не знаю совсем. За последние несколько сезонов труппа значительно обновилась, помолодела, на стерях звонками, которые только начинала два с лишним десятилетия назад, остались единицы. Замком слезы неумолимо, ведалор после двадцати лет работы в балете подлагается теоретическая пенсия.

Вот один из последних мотиков — Юрий Папко. Он заслуженный артист РСФСР, выпущенный легкой искусством Узбекистана, удостоенный этого звания за постановку балета «Индийская поэма», который шел в Ташкенте и налет в Москве. Это подавая — это последние, прошальные гастролы с Большим театром, где он проработал 23 сезона. Уже есть и новые работы — мастерская танса Москонцера, куда он назначен художественным руководителем. Но сегодня... Сегодня он распорядитель балет. В последний раз. В последний раз — первый.

Вот среди фрейлай — Нина Кузрячева. В ее репертуаре почти не было сольных партий, а премьер за двадцать лет набралась предостаточно, и ни одна новая постановка в театре не была бы успешной без таких работ, как «Ромео и Джульетта» — превратится с французского, как клычий состав коруса Балетом.

Корпус — значит так, основа. Кстати, в театре Нина звучала не только балетную терминологию, но и сам французский язык, да так, что стал профессионально переворачивать во всяком случае издано несколько ее художественных переводов с французского. Жизнь впервые явилась на эту гастроль — последние в Большом.

Нова грустная, но она тоже звучит не менее жале, когда и вижу, как разогреть беа и как аякалет он в свой круг новых участников. Итальянскую невесту исполняет Наталья Архипова. Два года назад на Международном конкурсе в Москве она получила золотую медаль, была принята в Большой театр. Новая роль — ее первая сольная партия в его репертуаре.

Стоп, «трубочка», за дело! Столбик на балне напротив Василия Верхожко, тоже солист, актер острого протестного рисунка, незаметно подлет мне, как догосоривался, знак, и мы одобрительно подливаем, а режиссер подхватывая белая оркестра. Дирижер дирижером, но подстраховаться дебютанту не мешает.

На подмостках появляется черная лебедя «Семия князя Одагала сценария» — записит назавтра крупнее и выйдя на сцену три года — и вот такая роль, новая Одетта — Одагала Большого! Есяя я с полным правом в назале этого репертажа написала, что за сто с лишним лет в «Лебедином» выступила тысяча артистов, то сейчас с абсолютной точностью сообщу, что Одет — Одагала было всего й! Так что это всегда события для театра, а явива всех короле лебедей, начиная

с Полины Карповой, давшей жизнь этому образу, записаны в историю Большого.

Я видела Нину на ее первом в жизни балу — на Международном конкурсе в Варне, она была, как только-только оперившийся птенец, мечтающий взлететь. Наградой за это усаме было первое место в младшей группе. Сейчас она стала гордой птицей-лебедом и каждому ее движению, шагаш алмазике, вынила знак. И поощряет, она заметно убаюлилась, подбавляя ее, товарищи, темпе их взгляда. Уж это я точно видела со своего балкона.

Балкон подраывает, как тамбур заветрычки на поном ходу. Если бы я знала, что все разминающиеся перед выходом балу использовать конструкторский балли как обзор! Если бы я знала, что вожжающим барду заветры в горы в невыносимо захватит издалькуют! Если бы я знала, как неудобно стоять в одной позе, как жарка асстом и торбан по лучам прожекторов. Когда занавес наконец закрылся, и в ветках веток спустился вниз, а рука затекла так, будто в рубина арка. Меня тогда подлавливал с премьерой. Я улыбалась, потому что вправду был год, что раз в жизни довелось испытать то, что можно испытать раз в жизни. Получувствовать, что значит Большой, его спектакль, ощущение, каким прием публики. Ведь владелиранов всеиу спектаклю, а значит, и мне — малышекому, но необходимо пытаясь в гримажной картинке.

Все шасавали и поздравляли Нину Алянашвилля. «Хорошо, очень хорошо» — сказала балетмейстер-репетитор Николай Симачев так. Но это еще не премьера. Премьера только одна, премьера, когда танцующие в Большом театре и тебя смотрит вся труппа».

ТРЕТЬЕГО декабря Нина Ананьевна пришла впервые танцевать «Лебединое озеро» в Большом театре. Увы, на фирше не было никакого первого исполнения, потому что прежде был Гамбург. Но вновь это стало первым исполнением, теперь это уже было настоящее премьеры в Большом, которую смотрела вся труппа. Через десять дней в труппе сменился Юрий Васюченко в Александр Ветров, первые исполняющий роли Спартак и Красса в «Спартак». И снова был замечательный успех молодежи.

Да, теперь не напишут «первое исполнение», и когда Ветров в Москве ступивает Злого Геня. Поминте, когда она в аркаде в Гамбурге, «испаданная» за Борисом Акимовичем. Злого Геня он уже трижды ступивала на гастроль по Японии. Не бавет этих слов и после строки «Ромео — Ирек Мухамедов». Ромео он впервые ступивала именной весной в Висбадене, скоро выйдя в этой роли в Большом — пятый своей главной роли за три года работы в театре.

Я вспоминаю «Лебединое озеро», а те, о ком я сегодня вспоминаю, уже ступивала десятки в десятках спектаклей. Она молодая опора театра будущего, и чтобы не быть голословным, приведу шфру, которую я получила в канцелярии балета Большого театра. За прошлый сезон — шесть выходящих осуществлено 135 выходов на сцене в ведущих партиях, и выходы эти доверены молодежи.

По этому поводу я трубит фанфара репортера!

С Новым годом, дерзавшие дебютанты!

Ал. АВДЕНКО, ГАМБУРГ — МОСКВА.